

Мнишек (артистка, исполняющая ее роль буквально не знает, что ей делать), — в известной мере обусловлена неудачной сценической компановкой. Постановщики выбросили из спектакля сцену Марины с иезуитом Ранго-ни, раскрывающую политический смысл событий и определяющую все последующее поведение Марины. Без этой сцены весь диалог Марины и Самозванца оказывается неоправданным, пустым и выхолощенным.

Разумнее было бы для сокращения времени изъять полонез с хором, менее значимый по музыке и крайне неинтересно поставленный.

Роль Бориса Годунова — одна из

рыва, проскальзывающих в отдельных эпизодах. К примеру, во время рассказа Шуйского о том, как в Угличе лежал убитый царевич Дмитрий, следовало бы меньше «показывать» переживания Бориса. Сдержанность внешних проявлений чувств была бы здесь более уместна.

Выразительно интонируя каждую фразу, с большой глубиной внутреннего чувства рисует Штоколов последние минуты жизни Годунова. С просветленной мудростью дает он прощальные наставления сыну, проникнутые заботой о судьбе детей и будущем страны. Но вот уже звучат погребальный звон и голоса черной схимы, отвечающей еще живого царя. С впечатляющей силой воссоздает Штоколов картину трагической смерти Бориса.

Роль Бориса — большая творческая удача артиста. И пусть в отдельных местах еще чувствуются шереховатости непреодоленных трудностей и незакопленных находок, радует твор-

Актеры и роли

ДВА ОБРАЗА

Эти роли на сцене Свердловского оперного театра исполняют Б. Штоколов и И. Субботин, недавно удостоенные почетных званий заслуженных артистов РСФСР. Их исполнение привлекает не только тем, что молодые артисты успешно справились с ответственными партиями Бориса и Самозванца, но, главным образом, тем, что в их трактовке оказалось много интересного, свежего и, не боимся этого слова, самобытного.

Борис и Самозванец друг с другом ни разу не встречаются, но их жизненные судьбы тесно переплетаются в народной музыкальной драме Мусоргского.

В узловых трагических эпизодах «Бориса Годунова» в сознании Бориса возникает тема убиенного царевича Дмитрия, вызывая самые тяжкие внутренние переживания. И хотя роль Самозванца занимает в опере не так уж много места, очень велико ее значение в музыкально-драматургическом развитии спектакля.

Субботин трактует Григория, как человека недюжинных способностей, по тем временам начитанного и много знающего. Его Григорий давно вынашивает честолюбивые замыслы и не боится встать против грозного царя Бориса.

Такая трактовка соответствует музыкальной драматургии Мусоргского и исторической правде. Ведь этот политический авантюрист, под именем якобы чудесно спасенного от смерти царевича Дмитрия, сумел получить поддержку польской шляхты, использовать недовольство правлением Бориса Годунова и войти в Московский кремль.

Все речитативы из сцены с летописцем Пименом в келье Чудова монастыря у Субботина звучат выразительно, правдиво и выпукло раскрывая его затаенные мысли. Во всех движениях чувствуется и внутренняя сила, и целеустремленность, прикрываемые показным смиренным бедного инока, носящего монашескую рясу.

Гораздо хуже проводит артист сцену у фонтана в Сандомирском замке Мнишек, превращаясь здесь в заурядного лирического оперного героя. Нам кажется, что неудача актеров в этой сцене, — и Самозванца, и Марины

самых, как говорят, «коронных» партий базового репертуара во всей русской и мировой оперной литературе. Она сулит исполнителю много творческих испытаний, ставя задачу правдивого раскрытия глубоких и многогранных внутренних чувств Бориса, в облике которого сочетаются черты и мудрого правителя зрелищ российской, и любящего, заботливого отца, и страдающего человека, мучимого страшными угрызениями совести.

Больше всего нам нравится в исполнении Б. Штоколова, что все эти разные черты характера не декларируются схематично каждая в отдельности, а живут в нем слитно и нераздельно, лишь естественно выделяясь в момент преобладания того или иного душевного состояния.

Еще не полностью убеждает первый выход Бориса в сцене венчания на царство. Трудно артисту, стоящему на помосте посреди площади, правдиво высказать затаенную (именно затаенную) душевную скорбь и зловещие предчувствия и, пожалуй, недостает ему царственного величия в обращении к боярам и народу. Но в дальнейшем артист обретает внутреннюю уверенность и убежденность и достигает в решающих сценах — в царском тереме и в грановитой палате — большой глубины художественного выражения.

Как ласково нежен он с царевной Ксенией — «в невестах уж печально вдовицей», какой отцовской гордостью наполняется его сердце в беседе с Феодором, показывающим ему чертеж земли московской.

И вот Борис остается один. Известный его монолог Штоколов исполняет, не играя «царственную гордость», а как бы обнажая скрытые от постороннего взгляда горестные размышления. С первых же слов арии мы ощущаем, как мучительно переносит свою трагедию этот сильный человек. При этом ария нигде не приобретает характер открытой демонстрации чувств, а служит хорошей эмоционально-смысловой подготовкой к драматическим кульминациям в диалоге с Шуйским и в сцене с курантами, которую Штоколов проводит с подлинным артистическим вдохновением.

Артисту нужно только опасаться элементов мелодраматического над-

Б. ШТОКОЛОВ в роли Годунова.
Рис. Г. Горюнова.

ческое решение трудной задачи, искреннее и правдивое вокально-сценическое воплощение такого сложного образа, как Борис Годунов.

Б. ПЕВЗНЕР.

12 МАИ 1959

Вечерний Свердловск

Свердловск

188